

ПОПРАВКИ ВРЕМЕНИ К ОДНОМУ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ «МЕРЫ ЗА МЕРУ»

Н.Э. Микеладзе

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; fornatalia@bk.ru*

Аннотация: Поколения соотечественников знакомы с шекспировской пьесой «Мера за меру» по поэтически прекрасному, легкому и афористичному переводу Т.Л. Щепкиной-Куперник. Он был выполнен в 1939 году, тогда же опубликован небольшим тиражом, а в 1960 г. вышел в собрании сочинений Шекспира издательства «Искусство», чей тираж (225 000 экз.) кратно превышал издание *Academia* с переводом пьесы М.А. Зенкевича. И сегодня перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник издается значительно чаще других. При этом выдающийся отечественный ученый А.А. Смирнов, соредактор и подготовитель обоих собраний сочинений Шекспира (и ни один редактор после него), не указал на изъятия текста и ошибки перевода, хотя издание от «Искусства» готовилось и публиковалось уже в период хрущевской оттепели. Из двух основных стратегий перевода — поэтической вольности и филологической точности — с «Мерой за меру» Т.Л. Щепкина-Куперник пошла по первому пути. Вольность данного перевода обусловлена двумя факторами: 1) смысловой и языковой ошибкой, особенно критичной тем, что она допущена в трактовке основного тезиса пьесы (не суди, сам делая то же, прощай) и 2) самоцензурой, очевидно связанной с «требованиями времени» и индивидуальными страхами (изъятие опасных тирад, сглаживание и смягчение смысла, избегание конкретных слов). В статье показано, в чем именно состоит неполнота, неточности и ошибки данного перевода, нуждающиеся в комментарии. А также сформулирована биографическая гипотеза, объясняющая самоцензуру переводчика.

Ключевые слова: «Мера за меру»; Т.Л. Щепкина-Куперник; М.А. Зенкевич; стратегии литературного перевода; поэтическая вольность; филологическая точность; самоцензура; требования времени

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-12

Для цитирования: Микеладзе Н.Э. Поправки времени к одному русскому переводу «Меры за меру» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 2. С. 170–182.

CORRECTIONS OF TIME TO ONE RUSSIAN TRANSLATION OF *MEASURE FOR MEASURE*

Natalia Mikeladze

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; fornatalia@bk.ru

Abstract: Generations of Russians are familiar with Shakespeare's play *Measure for Measure* through the poetically beautiful, light and aphoristic translation of T.L. Shchepkina-Kupernik (1939). The same year it was published in a small print run, and in 1960 in *The Complete Works of Shakespeare* by *Iskusstvo Publ.* whose circulation (225,000 copies) incomparably exceeded *Academia* edition with the translation of the play by M.A. Zenkevich. And today the translation of T.L. Shchepkina-Kupernik is published much more often than others. Meanwhile, the outstanding Russian scholar A.A. Smirnov, co-editor and preparer of both Shakespeare's *Collected Works* (or any editor after him), did not point to the deletion of the fragments of text and translation errors, although the *Iskusstvo* edition was prepared and published already during the Khrushchev's 'thaw'. Of the two main translation strategies — poetic liberty and philological accuracy — T.L. Shchepkina-Kupernik took the first path with *Measure for Measure*. The liberty of this translation is due to two factors: 1) a semantic and linguistic mistake, particularly important because it was made in the interpretation of the main thesis of the play (do not judge, doing the same yourself, forgive) and 2) self-censorship, obviously associated with the 'requirements of the time' and individual fears (withdrawal of dangerous tirades, smoothing and softening of meaning, avoiding specific words). The article shows what exactly the incompleteness, inaccuracies and errors of this translation consist of, and why they need commentary. In addition, a biographical hypothesis is formulated to explain the translator's self-censorship.

Key words: *Measure for measure*; T.L. Shchepkina-Kupernik; M.A. Zenkevich; literary translation strategies; poetic liberty; philological accuracy; self-censorship; requirements of time

For citation: Mikeladze N.E. (2023) Corrections of Time to One Russian Translation of *Measure for Measure*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 170–182.

Существуют разные стратегии художественного перевода [см. Каганович 2011; Маликова 2017; Андреев 2020], и каждая имеет свое основание и право на существование. Одни переводчики руководствуются принципом филологической точности, от эквиритмии, как ее понимал¹ А.А. Смирнов [Смирнов 1934: 170], вплоть до бук-

---

¹ Отстаивая «новый метод» шекспировских переводов, одним из главных его признаков А.А. Смирнов называл «эквиритмию (точное воспроизведение числа строк подлинника, всех его размеров, рифмовки, разрезаний стиха, перенесений и т. д.)» и уточнял впоследствии, что рассматривает ее не как самоцель, а как средство создания адекватного перевода [Каганович 2018: 131, 133, 142–143].

вализма лексического и синтаксического. Другие исходят из презумпции вольности, обуславливая ее (изъятия, перестановки, сокращения, пересказы) требованиями поэтической и сценической выразительности, индивидуального или господствующего вкуса, то есть нуждами адаптации того или иного рода.

Достижение в переводе идеального сочетания точности и художественности ближе к утопии, но и такие русские переводы в реальности существуют (Данте и «Гамлет» М. Лозинского, Пруст и Стерн А. Франковского). Главным же критерием качества перевода был и остается смысл. Как бы то ни было, перевод должен доносить до иноязычного реципиента действительный смысл оригинала, не искажая его и, тем более, не меняя его на противоположный. В ином случае нам следует признать, что мы имеем дело с вольным переложением или с произведением по мотивам, даже если оно по своим художественным достоинствам конгениально подлиннику. В споре сторонников точности и «реалистичности» перевода (в смысле, который вкладывал в это понятие И. Кашкин в 1950-е годы)² нам участвовать не довелось, но филологу по определению ближе сторона точности, соединенная с подходом Г. Шпета: «...Шекспира нужно именно изучать, а не “почитывать”» [Шпет 2013: 225].

«Шекспир во время чумы»: вольности перевода «Меры за меру»

С пьесой «Мера за меру» несколько поколений русскоязычных ценителей Шекспира второй половины XX века знакомились³, по большей части, в переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник (1874–1952), выполненном в 1939 году⁴, поскольку именно этот перевод вышел в собрании сочинений Шекспира издательства «Искусство», которое предназначалось весьма широкой аудитории. Тираж шестого тома (с «Гамлетом», «Мерой за меру», «Отелло» и «Королем Лиром») составил 225 000 экземпляров [Шекспир 1960]. За десять лет до этого в издательстве *Academia* тиражом 15 000 экземпляров вышла «Мера за меру» в сделанном тогда же переводе М.А. Зенкевича [Шекспир 1949, т. 7]. Доступность хронологически первого из этих двух переводов «Меры за меру» сталинских времен, как видно, оказалась в 15 раз выше.

² М.Л. Гаспаров так передал суть взглядов И. Кашкина: «...переводчик должен переводить не текст подлинника, а ту действительность, которая отражается в этом тексте (это называлось “реалистический перевод”» [см.: Азов 2013: 96].

³ Дореволюционному и раннему советскому читателю пьеса была знакома в переводе Ф.Б. Миллера в издании [Шекспир 1903, т. 3: 211–274].

⁴ Тогда пьеса была издана тиражом 8000 экз. [Шекспир 1939].

Однако судьба распорядилась так, что самый доступный, физически и поэтически, легкий и прекрасный, как воздушное кружево, русский перевод пьесы Т.Л. Щепкиной-Куперник неполон и содержит неточности, при внимательном рассмотрении оборачивающиеся ошибками, нуждающимися в исправлении и комментарии. Справедливости ради надо отметить, что выдающийся отечественный ученый А.А. Смирнов, соредактор и подготовитель обоих ПСС Шекспира, в послесловии и в примечаниях к пьесе, к сожалению, не указал на изъятия текста и ошибки перевода, хотя издание от «Искусства» готовилось и публиковалось уже в период хрущевской оттепели. Причиной могло быть и то, что, согласно некоторым свидетельствам, А.А. Смирнов «ставил не особенно высоко» саму эту шекспировскую пьесу, даже вопреки оценке А.С. Пушкина [Каганович 2018: 220]. Так или иначе, но русскоязычная аудитория многие годы воспринимала версию «Меры за меру», которая вносила изрядную путаницу в осмысление и без того сложного идейного узора пьесы.

В чем же состоит неполнота и неточности рассматриваемого перевода?

Одной из главных тем, обсуждаемых в «Мере за меру», является проблема тирании и принцип взаимодействия власти с народом.

У Шекспира вопрос о тирании ставит в начале действия сопро-вождаемый в тюрьму Клавдио:

And the new deputy now for the Duke—
Whether it be the fault and glimpse of newness,
Or whether that the body public be
A horse whereon the governor doth ride,
Who, newly in the seat, that it may know
He can command, lets it straight feel the spur;
Whether the tyranny be in his place,
Or in his eminence that fills it up,
I stagger in—but this new governor
Awakes me all the enrolled penalties
Which have, like unscour'd armour, hung by th' wall
So long, that nineteen zodiacs have gone round,
And none of them been worn; and for a name
Now puts the drowsy and neglected act
Freshly on me: 'tis surely for a name. (I, 2, 146–160)⁵

Это рассуждение целиком выпало из перевода Т. Щепкиной-Куперник⁶. Между тем, размышление о тиранических свойствах пра-

⁵ Здесь и далее текст оригинала цитируется по изданию [Shakespeare 2004].

⁶ Пропущенный фрагмент включает 16 строк, он начинается с вопроса Луцио и краткого ответа Клавдио (“With child, perhaps? Unhappily, even so”, I, 2, 145).

вителя (коренится ли тиранство в индивидуальной природе, в самой властной позиции или же в неготовности индивида к взлету на подобную вершину) намечает главные вопросы пьесы [Микеладзе 2021] и поразительно актуально звучит в сталинском СССР 1939 года.

Вот как эту реплику эквилинеарно перевел через десять лет М. Зенкевич, потеряв, однако, «тиранство по должности»⁷:

И герцогом поставленный наместник,
Быть может, ради блеска новизны
Иль потому, что государство — конь,
Которого правитель объезжает
(И новичок в седле, чтоб показать
Искусство править, — шпоры кровянит),
Тиран ли по природе он своей,
Величье ль сделало его тираном,
Не знаю я, — но новый наш правитель
Вдруг воскресил отжившие законы,
Что, как доспехи, ржаво на стене
Висели девятнадцать зодиаков
Никем не тронуты, и из тщеславья
Закон, не применявшийся совсем,
Вдруг применил ко мне лишь из тщеславья!

Второй фрагмент, в котором определение тиранству дает сам Герцог, сохранен Щепкиной-Куперник, но подвергся существенному переосмыслению. Это очень важный тюремный эпизод, в котором Герцог-монах указывает недовольному властью простому человеку грань, за которой правитель обращается в тирана.

Provost
It is a bitter deputy.
Vincentio
Not so, not so; his life is parallel'd
Even with the stroke and line of his great justice:
He doth with holy abstinence subdue
That in himself which he spurs on his power
To qualify in others: were he meal'd with that
Which he corrects, then were he tyrannous;
But this being so, he's just. (IV, 2, 76–83)

Т. Щепкина-Куперник переводит так:

Тюремщик
Жесток наместник наш!

---

⁷ Этот важный нюанс хорошо передан в переводе О. Сороки: «Присуще ль должности самой тиранство...» [Шекспир 1990].

Герцог

Не то, не то.

*Вся жизнь его идет, как и правление,
Путями справедливости и долга;
Смиряет он в священном воздержанье
В себе самом то, что смирать в других
Имеет право; если б сам он грешен
Был в том, что так преследует в других,
Тогда б он был тираном, но теперь —
Он только справедлив.*

Выделенное курсивом в первой части реплики содержит существенное — принципиальное! — изменение смысла: согласно переводу, жизнь и деянья правителя справедливы и ответственны. Тогда как у Шекспира жизнь и деяния *соответствуют* друг другу, никакого панегирического обертона в источнике нет.

М. Зенкевич и здесь точен: жизнь правителя «параллельна» тому, как он судит — так же жестока, сурова⁸:

*О нет: ведь жизнь его вполне согласна
С его правлением и правосудьем —
В себе самом он подавляет то,
На что пришпоривает власть свою,
Чтоб обуздать других... (курсив мой — Н.М.)*

Этот фрагмент важен и потому, что здесь шекспировский Герцог дает (второе в его партии) определение тиранству через естественное равенство людей перед Богом и законом: «будь правитель запятнан тем, что преследует, тиран он был бы, а так он справедлив» (IV, 2, 81–82). Таким образом, правитель становится тираном, когда перестает мерить (судить) себя и других одной мерой.

Впервые Герцог произносил эту формулу в монологе «Кому свой меч вручает Бог». Начальник должен быть примером «И мерить мерою одной / Свою вину с чужой виной» (III, 2, 258–259; пер. Щепкиной-Куперник). В обоих случаях все русские переводы безусловно передают смысл.

Однако еще раньше, в ярком эпизоде столкновения-агона Изабеллы, пришедшей просить за брата, и Анджело, намеревающегося его казнить, впервые в пьесе отчетливо звучит эта формула:

*We cannot weigh our brother with ourself:
Great men may jest with saints; 'tis wit in them,
But in the less foul profanation (II, 2, 127–129)*

---

⁸ О. Сорока в этом месте точен, но не равносрочен: «Вся жизнь его сурова, как закон».

— Т. Щепкина-Куперник переводит ее наоборот:

*Нельзя своею мерой мерять ближних.
Пусть сильные глумятся над святыней —
В них это остроумье; но для низших
Кошунством это будет! (курсив мой — Н.М.)*

Такая трактовка полностью противоречит оригиналу и главному евангельскому послылу пьесы, который состоит, напротив, в общности Божьего закона для всех:

«Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие дела и (сам) делая то же?» (Рим. 2:1–3); «...как же ты, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? говоря: “не прелюбодействуй”, прелюбодействуешь? гнушаясь идолов, святотатствуешь? Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога?» (Рим. 2:21–23).

Речи Изабеллы к наместнику обладают особым качеством: они обличающе-убеждающие, но не запретительные. Не “must not”, а “cannot”, не «не должны», а «не умеем», тогда обретают смысл и последующие слова о глумлении над святыми, иначе повисающие загадочной риторикой.

При этом в продолжении спора с Анджело, когда Изабелла вновь возвращается к этому аргументу, он передан Щепкиной-Куперник верно:

Вы в собственное сердце постучитесь,
Его спросите: знало ли оно
Такой же грех, как брата; если только
Сознается оно вам в грешных мыслях —
О, пусть тогда язык ваш не посмеет
Произнести над братом приговор, (II, 2, 137–142)

— и нам остается лишь гадать, почему переводчик не заметил противоречия между «нельзя своею мерой мерить ближних» и «вы в собственное сердце постучитесь».

Вариант М. Зенкевича, учитывая его сугубо укоризненное звучание («не можем» — то есть «не научились»), точно передает оригинал:

Не можем мы других собою мерить:
Великие острят и над святыми,
У низших же то назовем кошунством.

И доходчиво (правда, в пяти строках вместо трех) излагает ту же мысль О. Сорока:

Мы не умеем ближних и себя
Одною мерить мерой. Сходят с рук

Властителю и над святыней шутки;
В нем остроумием зовется то,
Что у других — кощунство.

Казалось бы, ничем не объяснимый парадокс: основная мысль пьесы трижды уловлена и передана Т. Щепкиной-Куперник верно, но один раз — именно когда она звучит впервые, идиоматически, из уст маленького человека, обличающего власть, — она оказалась перевернута. Как было перевернуто и нисколько не хвалебное высказывание героя Шекспира о жизни и делах правителя.

В главе «Шекспир» в своих «Поздних воспоминаниях» (1952) Щепкина-Куперник коротко упоминает о своих переводческих предпочтениях: «...лет пятнадцать назад <то есть в середине 1930-х, когда шла подготовка собрания сочинений Шекспира *Academia* — Н.М.> покойный профессор Розанов предложил мне сделать для Гослитиздата переводы “Сна в летнюю ночь” и “Бури”. Тут он меня ознакомил с принципами перевода шекспировских произведений, выработанными целой коллегией шекспироведов, к слову сказать, *чрезмерно строгими и придерживавшимися больше “буквы”, чем “духа”,* и впоследствии очень измененными. *Я взялась за дело по-новому...*» [Щепкина-Куперник 2005] (курсив мой — Н.М.).

«По-новому» в сравнении с филологами-«буквалистами». Однако пропуск в рассматриваемом переводе тирады о тиране и тирании — не результат стремления избавиться от скучной отвлеченности, философии, тормозящей действие и нагоняющей тоску на зрителя. Как и панегирик аскетичному правителю-судии — не плод стремления уместить слова в строку, сохранить «форму фразы»⁹. Это результат самоцензуры. Подобная неполнота, зияющие лакуны, перемена акцентов, конечно, мешают иноязычным читателям-зрителям составить ясное представление о подлинном шекспировском высказывании о тиране и тирании, о законе и его исполнении. Но это еще полбеда, и направление рассуждения драматурга по части земной власти в целом понятно. А где же небесный закон? Он передан в ключевой формуле наоборот, оказался перевернут. Впрочем, в сталинском «мире наоборот» [Микеладзе 2019: 567–572] подмена правды являлась нормой, иное же отклонением от нее.

Заключение с биографической гипотезой

Таким образом, применительно к данному переводу «Меры за меру», мы можем говорить о его вольности, обусловленной двумя факторами:

⁹ Из главы «Шекспир»: «Мне кажется, что важнее донести мысль Шекспира, пусть сказанную лишним количеством слогов, слов и даже строк, чем механическую форму фразы» [Щепкина-Куперник 2005].

1) смысловой и языковой ошибкой (невынужденной) особенно критичной тем, что она допущена в главной формуле пьесы: не суди, сам делая то же, будь милосерд, прощай¹⁰;

2) самоцензурой, связанной с «требованиями» времени и индивидуальными страхами: изъятие опасных тирад, сглаживание и смягчение смысла¹¹, избегание¹² слова «тиран» (-ия, -ический).

В рассматриваемом переводе пьесы Шекспира немало «счастливых мест», как это назвала сама Щепкина-Куперник (когда «лучше не переведешь и не скажешь») [Щепкина-Куперник 2005]. Достаточно упомянуть формулу «Ведь не карая, мы уж позволяем», которой она точно и выразительно переводит гораздо менее лаконично высказанную мысль Шекспира:

...for we bid this be done,
When evil deeds have their permissive pass
And not the punishment. (I, 3, 37–39)

Однако самое большое достоинство перевода (афористичность) сыграло с ним злую шутку. Перевод запомнился нам ошибочными идиомами: «Нельзя своею мерой мерить ближних» (в оригинале наоборот); «Намеренья — ведь это только мысли...». Здесь опущена важная, но чреватая в эпоху «мыслепреступлений» отсылка к закону: нельзя судить за мысли, намерения. В оригинале сказано:

*Thoughts are no subjects;
Intent, but merely thoughts*
(V, 1, 451–452; курсив мой — Н.М.)

У Шекспира мысли неподсудны. М. Зенкевич дает: «Ведь мысли — не деянья»; О. Сорока: «А мысль закону не подвластна».

---

¹⁰ Или переводчик не придавал большого значения этому тезису, не считал его центральным? Возможно, высказывание самой Щепкиной-Куперник в главе о Шекспире проливает некоторый свет на эти материи: «У него не было “путеводной звезды”. Такой для людей средних веков была религия. Но для Шекспира как для человека Возрождения религия утратила свой смысл. А заменить ее было нечем — он еще не мог осмыслить все пути борьбы жизни так, как это сделали последующие эпохи» [Щепкина-Куперник 2005].

¹¹ Разумеется, это не могло укрыться от опытного А.А. Смирнова. Ставя Щепкину-Куперник в 1939 году в один ряд с другими «пионерами» советских поэтических переводов Шекспира (М. Лозинским, А. Радловой, М. Кузминым) и отмечая «дискуссионные моменты» у каждого из них, по ее поводу он высказался дружелюбно-деликатно: «в первых переводах Т. Щепкиной-Куперник кое-что было сглажено и смягчено» [Смирнов 1939: 166–168].

¹² Вместо семи раз источника переводчик употребляет это слово лишь трижды: «Тиранством было бы его карать...» (I, 3, 36); «Или ... я сумею стать тираном!» (II, 4, 168); «Тогда б он был тираном...» (IV, 2, 82).

Все это указывает на самоцензуру переводчика, выразившуюся в «адаптации» пьесы по меркам главного искусствоведа и театрала, каковым в 1939 году являлся И.В. Сталин.

Известно, что в мае 1937 года родной брат мужа¹³ Татьяны Львовны профессор Московского университета, ученый-почвовед с мировым именем Борис Борисович Польшин (1872–1952) был заключен в тюрьму (сначала в Лубянской, потом переведен в Кресты) как «резидент английской разведки» по делу о террористическом заговоре в возглавляемом им академическом институте. Обвинения, слепленного «людьми реальной политики»¹⁴, он не признал, в итоге дело было прекращено (редчайший случай!), и в марте 1939 года он вышел на свободу. Сыграл ли какую-то роль в его освобождении этот в высшей степени изысканный и мягкий перевод шекспировской «Меры за меру», одного из остроумнейших (и умнейших) сочинений против тиранов? Неизвестно. Во всяком случае, выбор переводчиком Т.Л. Щепкиной-Куперник данного сюжета в эти годы едва ли выглядит случайным.

Дополнительный свет, полагаю, может пролить на ситуацию еще один документ. В апреле 1939 года, через месяц после освобождения из тюрьмы Бориса Польшина, А.М. Коллонтай (в то время посол СССР в Швеции) пишет своей подруге Т.Л. Щепкиной-Куперник письмо. И в нем упоминает, как на ее петербургской квартире в апреле 1917 года проводил партийные совещания только что вернувшийся в Россию из эмиграции В.И. Ленин [Колеченкова 1972: 173]. В эпоху эзопова языка, умолчаний и недомолвок постскрипту к письму выглядит так:

«P.S. Странно подумать, что прошло 22 года с той весны, как раз апрель, когда я жила у тебя и В.И. Ленин заезжал со Свердловым в твои комнаты, где бывали наши партийные совещания. Была такая же весна, но за эти 22 года весь мир стал иным, и перевернули его именно совещания, намечавшие линию, которые имели место в твоих сейчас исторических комнатах. Еще раз нежный привет. Шура» (Мезеберг, 22.04.1939).

Возможно, именно это обстоятельство сыграло решающую роль в счастливом освобождении из заключения деверя Т.Л. Щепкиной-Куперник. Такова совокупно наша биографическая гипотеза, объясняющая самоцензуру переводчика.

Общий прикладной вывод из проведенного исследования состоит в том, что при новых публикациях этот обладающий многими достоинствами перевод «Меры за меру» требует подробного комментария.

---

¹³ Адвокат Николай Борисович Польшин (1873–1939).

¹⁴ Выражение Б.Б. Польшина [Лялин, Перченков 1995: 263].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азов А.Г. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М., 2013.
2. Андреев М.Л. Гольдони в переводе семейства Амфитеатровых // *Studia Litterarum* 2020. Т. 5. № 2. С. 56–67.
3. Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы. СПб.; М., 2013.
4. Каганович Б.С. А.А. Смирнов и русские переводы Шекспира 1930-х годов // *Laurea Logae: Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой*. СПб., 2011. С. 704–727.
5. Каганович Б. Александр Александрович Смирнов (1883–1962). СПб., 2018.
6. Колеченкова В.Н. «День и ночь на посту часовыми...» (Письма А.М. Коллонтай к друзьям) // *Встречи с прошлым*. Выпуск I. М., 1972. С. 152–173.
7. Лялин С.П., Перченко Ф.Ф. Записки Б.Б. Полюнова о 1937 г. // *In memoriam: исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка*. М.; СПб., 1995. С. 253–271.
8. Маликова М.Э. К описанию филологического перевода» в 1930-е гг.: А.А. Франковский — переводчик английского романа XVIII в. // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2. № 3. С. 10–45.
9. Микеладзе Н.Э. «На финик смокву»: предатели в великих трагедиях Шекспира // *Микеладзе Н.Э. Милосердие сильнее мести. Время и вечность в театре Шекспира*. М.; СПб., 2019. С. 553–585.
10. Микеладзе Н.Э. Кому «свой меч вручает Бог»? (Шекспир и епископ Билсон) // *Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология*. 2021. № 3. С. 161–171.
11. Смирнов А.А. О русских переводах Шекспира // *Звезда*. 1934. № 4. С. 165–172.
12. Смирнов А.А. Советские переводы Шекспира // *Шекспир*. 1564–1939: Сб. статей. М.; Л., 1939. С. 144–183.
13. *Шекспир В. Мера за меру* / Пер. Ф.Б. Миллера // *Шекспир В. Сочинения: В 5 т. / Под ред. С.А. Венгерова*. СПб., 1902–1904. Т. 3 (1903). С. 211–274.
14. *Шекспир В. Мера за меру* / Пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник. М.; Л., 1939.
15. *Шекспир В. Мера за меру* / Пер. М.А. Зенкевича // *Шекспир В. Полн. собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. С.С. Динамова, А.А. Смирнова*. М.; Л., 1936–1949. Т. 7 (1949), с. 377–504.
16. *Шекспир У. Мера за меру* / Пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник // *Шекспир У. Полн. собр. соч.: в 8 т. / Под общ. ред. А.А. Смирнова, А.А. Аникста*. М., 1957–1960. Т. 6. (1960), с. 159–279.
17. *Шекспир У. Мера за меру; Король Лир; Буря: пьесы* / Пер. О. Сороки. М., 1990.
18. *Щепкина-Куперник Т.Л. Дни моей жизни*. М., 2005.
19. *Shakespeare W. Measure for Measure* / Ed. J.W. Lever. *The Arden Shakespeare*, 2nd ser. London, 2018.

REFERENCES

1. Azov A.G. Poverzhennye bukvalisty: Iz istorii hudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920-1960-e gody [Defeated literalists: From the history of literary translation in the USSR in the 1920s-1960s.]. Moscow, *Higher School of Economics Publ.*, 2013. 304 p. (In Russ.)
2. Andreev M.L. Gol'doni v perevode semejstva Amfiteatrovyh [Goldoni translated by Amfiteatrov's family]. *Studia Litterarum* 2020, 5, 2, pp. 56–67. (In Russ.)
3. Gustav Shpet i shekspirovskij krug. Pis'ma, dokumenty, perevody [Gustav Shpet and the Shakespeare circle. Letters, documents, translations]. Saint Petersburg. Moscow, *Petroglif Publ.*, 2013. 759 p. (In Russ.)

4. Kaganovich B.S. A.A. Smirnov i russkie perevody Shekspira 1930-h godov [A.A. Smirnov and Russian translations of Shakespeare in the 1930s]. *Laurea Lorae*: Sbornik pamjati Larisy Georgievny Stepanovoj [Laurea Lorae: Collection in memory of Larisa Georgievna Stepanova]. Saint Petersburg, *Nestor History Publ.*, 2011, pp. 704–727. (In Russ.)
5. Kaganovich B.S. Aleksandr Aleksandrovich Smirnov (1883–1962) [Alexander Alexandrovich Smirnov (1883–1962)]. Saint Petersburg, *European House Publ.*, 2018. 240 p. (In Russ.)
6. Kolechenco B.N. «Den' i noch' na postu chasovymi...» (Pis'ma A.M. Kollontaj k druž'jam) ["Day and night at the sentinel post ..."] (Letters from A.M. Kollontai to friends). *Vstrechi s proshlym*. Vypusk I. [Meetings with the past. Issue I]. Moscow, *Soviet Russia Publ.*, 1972, pp. 152–173. (In Russ.)
7. Ljalin S.P., Perchenok F.F. Zapiski B.B. Polynova o 1937 g. [Notes of B.B. Polynova about 1937]. In *memoriam: istoricheskij sbornik pamjati F.F. Perchenka* [In memoriam: historical collection in memory of F.F. Perchenok]. Moscow, Saint Petersburg, *Phoenix, Atheneum Publ.*, 1995, pp. 253–271. 450 p. (In Russ.)
8. Malikova M.E. K opisaniju filologicheskogo perevoda» v 1930-e gg.: A.A. Frankovskij — perevodchik anglijskogo romana XVIII v. [On the description of “philological translation” in the 1930s: A.A. Frankovsky — translator of the English novel of the 18th century]. *Studia Litterarum*, 2017, 2, 3, pp. 10–45. (In Russ.)
9. Mikeladze N.E. «Na finik smokvu»: predateli v velikih tragedijah Shekspira [“Dattero per figo”: traitors in the great tragedies of Shakespeare]. Mikeladze N.E. *Miloserdie sil'nee mesti. Vremja i vechnost' v teatre Shekspira* [In virtue than in vengeance. Time and eternity in the theatre of Shakespeare]. Moscow, Saint Petersburg, *Center for Humanitarian Initiatives Publ.*, 2019, pp. 553–585. (In Russ.)
10. Mikeladze N.E. Komu «svoj mech vruchaet Bog»? (Shekspir i episkop Bilson) [Shakespeare and bishop Bilson: “He who the sword of heaven will bear?”]. *Moscow State University Bulletin*. Series: Philology. 2021, 3, pp. 161–171. (In Russ.)
11. Smirnov A.A. O russkih perevodah Shekspira [About Russian translations of Shakespeare]. *Zvezda*. 1934. 4. pp. 165–172. (In Russ.)
12. Smirnov A.A. Sovetskie perevody Shekspira [Soviet translations of Shakespeare] *Shekspir. 1564–1939*. Sb. statej [Shakespeare. 1564–1939. Collected articles]. Moscow, Leningrad, 1939. pp. 144–183. (In Russ.)
13. Shekspir V. *Mera za meru*. Transl. by F.B. Millera. Shekspir V. Sochinenija v 5 tomah, t. 3. Ed. by S.A. Vengerov. [Shakespeare W. Works in 5 Vol., Vol. 3]. Saint Petersburg, Brockhaus-Efron Publ., 1903, pp. 211–274. (In Russ.)
14. Shekspir V. *Mera za meru*. Transl. by T.L. Shhepkinoj-Kupernik. [Shakespeare W. Measure for Measure]. Moscow, Leningrad, *Iskusstvo Publ.*, 1939. 192 p. (In Russ.)
15. Shekspir V. *Mera za meru*. Transl. by M.A. Zenkevich. Shekspir V. Poln. sobr. soch. v 8 tomach, t. 7. Ed. by S.S. Dinamov, A.A. Smirnov. [Shakespeare W. Measure for Measure. Shakespeare W. The Complete Works in 8 vol., v. 7]. Moscow, Leningrad, *Academia Publ.*, 1949, pp. 377–504. (In Russ.)
16. Shekspir U. *Mera za meru*, Transl. by T. L. Shhepkinoi-Kupernik. Shekspir U. Poln. sobr. soch v 8 tomakh, t. 6. [Shakespeare W. Measure for Measure. Shakespeare W. The Complete Works in 8 Vol., Vol. 6]. Moscow, *Iskusstvo Publ.*, 1960, pp. 159–279. (In Russ.)
17. Shekspir U. *Mera za meru. Korol' Lir. Buria*. Transl. by O. Soroka. [Shakespeare W. Measure for Measure. King Lear. The Tempest]. Moscow, *Izvestiia Publ.*, 1990. 253 p. (In Russ.)
18. Shhepkina-Kupernik T.L. *Dni moej zhizni* [Days of my life]. Moscow, *Zaharov Publ.*, 2005. 528 p.

19. Shakespeare W. *Measure for Measure*. Ed. by J.W. Lever. The Arden Shakespeare, 2nd ser. London, *Bloomsbury Publ.*, 2018. 203 p.

Поступила в редакцию 12.10.2021
Принята к публикации 15.02.2022
Отредактирована 20.03.2022

Received 12.10.2021
Accepted 15.02.2022
Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Наталья Эдуардовна Микеладзе — доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; fornatalia@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Mikeladze — Prof. Dr., Professor of the Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; fornatalia@bk.ru